

© 1998 г. В.В. ГУРЕВИЧ

О "СУБЪЕКТИВНОМ" КОМПОНЕНТЕ
ЯЗЫКОВОЙ СЕМАНТИКИ

Термином "субъективный" мы обозначаем семантический компонент, указывающий на говорящего и на сам акт речи, – явление, обычно рассматриваемое при исследовании сферы дейксиса (системы координат "я – здесь – сейчас") и шире – языковой прагматики [Бюлер 1993; Бенвенист 1974; Падучева, Крылов 1984]. Ниже представлена попытка выявить наличие этого семантического компонента в содержании самых разных грамматических категорий.

Помимо системы личных и указательных местоимений, подобная ориентировка на говорящего вполне очевидным способом представлена также в содержании грамматического времени, всегда в конечном счете соотносящего время события с моментом речи. Представляется, однако, что этот же дейктический (прагматический) компонент можно обнаружить в любом грамматическом значении.

Весьма нетрудно установить наличие этого элемента в содержании **модальных значений**. В частности, коммуникативная модальность предложения – вопросительная, утвердительная, отрицательная, побудительная – отражает, как известно, ту цель, которую ставит перед собой говорящий, строя свое высказывание. Уже из этого огрубленного описания модальности высказывания видно, что в содержание данных модальных значений несомненно включено указание на говорящего и производимый в данный момент речевой акт: скрытая модальная рамка любого предложения обязательно содержит компонент типа 'я утверждаю, что... (спрашиваю)' и т.д. Отсылка к говорящему входит и в содержание модальных значений, выражаемых формами наклонения глагола, которые характеризуют действие не как "объективно" реальное (или нереальное, проблематичное и т.д.), а лишь как представляющееся таковым с точки зрения говорящего. Так, предложение в изъявительном наклонении *Петр уже приехал* сообщает не об истинности факта "приезда Петра", а лишь о том, что таково утверждение автора высказывания. Предложение в условном наклонении *Если бы Петр приехал, то...* выражает некоторое предположение со стороны говорящего, которое он же сам при этом представляет как несоответствующее реальности (глагольная форма содержит скрытое "косвенное отрицание" реальности события [Шендельс 1959] и т.д. Подчеркнем, что все указанные смыслы типа 'говорящий утверждает (предполагает, считает нереальным и т.д.)' непосредственно входят в качестве компонента в содержание грамматического значения модальности.

Рассматриваемый компонент включен также и в значение разнообразных модальных лексем, выражающих так называемую "субъективную" модальность (отношение между действием и его семантическим субъектом). Вводно-модальные слова (*возможно, по-видимому, несомненно* и т.д.) вполне очевидно выражают различные степени уверенности **говорящего** в существовании того, о чем он сообщает. Слова со значением 'необходимости', 'запрета', 'разрешения' и т.п. представляют ту же отсылку к говорящему лишь в более скрытом виде. Так, предложение *А необходимо для того, чтобы было Б* означает 'если не будет А, то, несомненно, не будет желаемого Б'; *А запрещено (недопустимо)* означает 'если будет А, то не будет желаемого

результата' (или: 'то произойдет нежелательное событие'). Семантические элементы 'если' (= 'неуверенное предположение говорящего о возможности события') и 'желаемое событие' обозначают в данных толкованиях не что иное, как некоторое отношение к называемым событиям со стороны субъекта речи (подробнее см. [Гуревич 1988]).

Обратимся к явлению **актуального членения** высказывания. В предложении *Куда уехал Петр?* вопросительная модальность охватывает лишь местоимение, представляющее рему данного высказывания. Тематическая же часть предложения (*Петр уехал*) стоит вне этой вопросительной модальной рамки: сообщение об отъезде Петра не подвергается вопросу, а представлено в виде пресуппозиции, т.е. как некоторое предшествующее утверждение, принятое говорящим за истинное и используемое в качестве "отправной точки" для построения собственно вопроса. Таким образом, актуальное членение указывает, какая часть предложения охватывается его модальной рамкой, а какая образует особую (пресуппозитивную) рамку; поскольку в содержание "темы" и "ремы" явным образом включен компонент "модальность предложения", в него тем самым входит и скрытое в этом компоненте указание на говорящего и производимый им речевой акт.

Границы актуального членения, как известно, могут проходить и внутри значения слова, входящего в состав высказывания. Достаточно известны примеры ограниченности сферы действия отрицания в выражениях типа *не холостяк*, где лишь один из компонентов значения существительного ('неженатый') охватывается модальностью отрицания, тогда как другие компоненты ('взрослый человек мужского пола') образуют пресуппозицию [Fillmore 1969]. Ниже мы рассмотрим возможности различных вариантов членения внутри глагольного значения, что позволит нам перейти далее к содержанию грамматической категории глагольного вида.

Еще Г. Пауль подметил возможности разной интерпретации предложения типа *Петр завтра едет в Берлин*, которое в зависимости от акцентировки содержательных элементов может означать: 1) 'едет, а не остается в том же месте' (здесь утвердительная модальная рамка охватывает компонент 'перемещения') или 2) 'едет, а не идет пешком' (в этом случае в модальную рамку попадает компонент 'способ перемещения') [Пауль 1960: 339]. Ср. еще примеры, где скобками отмечаются пресуппозитивные компоненты: *Птицы не плавают, а летают* = '(передвигаются) не по воде, а по воздуху' и *Что же ты не плаваешь* = 'не передвигаешься, (находясь в воде)'. В некоторых случаях такие различия в акцентировке компонентов могут закрепляться в лексической системе языка как разные "оттенки значения" ("подзначения") слова: ср. *Цветы стоят в вазе* = 'находятся там, (сохраняя при этом вертикальное положение)' и *Ты ему щей налей, чтобы ложка стояла* = 'чтобы ложка имела вертикальное положение, (находясь в щаж)' [Гуревич 1988: 27].

Если обратиться теперь к противопоставлению **видовых значений глагола**, то нетрудно заметить, что оно также связано с различиями в рематической акцентировке некоторых (аспектуально значимых) компонентов лексического значения глагола. Так *Строишь ли ты себе дом?* означает 'производишь ли действия (с целью, чтобы возник дом?)'. При этом варианте в рему попадает компонент 'производить действия в указанный момент'; как модальная рамка высказывания (вопросительная), так и его временная рамка (настоящее время) охватывают лишь эту часть значения глагола. Второй же семантический компонент – 'возникновение дома', включающий аспектуально значимый элемент 'начало некоторого состояния', оказывается вне модальной рамки высказывания (вследствие чего в предложении нет утверждения о возникновении объекта), а также и вне его временной рамки: возникновение объекта относится не к настоящему, а к будущему времени, включенному в содержание целевой модальности ('с целью, чтобы возник дом').

Предложение с совершенным видом *Построил ли ты себе дом?* означает: 'Возник ли дом (в результате целенаправленных действий)?'. Здесь в рему попадает компонент

‘возникновение’ (= ‘начало некоторого состояния’): именно он охватывается модальной и временной рамками, тогда как компонент ‘производить действия’ стоит вне обеих этих рамок. В результате такой модальной актуализации компонента ‘начало состояния’ создается представление о завершенности действия, достижении предела, переходе к новому состоянию и т.д. Глагольный вид, таким образом, представляет собой особую разновидность актуального членения, проходящего внутри глагольного значения; выбирая видовую форму глагола, говорящий сообщает о том, какой из семантических компонентов он включает в модальную рамку высказывания (подробней см. [Гуревич 1988: гл. 3]). Из сказанного следует, что эта грамматическая категория (как и актуальное членение в целом) в своей глубинной семантике несомненно содержит отсылку к речевому акту и говорящему.

Переходя к категории **определенности–неопределенности** имен, отметим прежде всего любопытное наблюдение Ш. Балли о том, что "когда говорят о нескольких собаках, то число собак бывает или неизвестно или не выражено, но оно не неопределенно" [Балли 1955: 88]. Неопределенность, как видим, отражает не реальное отсутствие у объекта каких-либо отличительных признаков, а лишь некоторое отношение к этому говорящего: незнание, нежелание или отсутствие необходимости в подобном уточнении и т.п. Уже из этого видна субъективность значения неопределенности, ибо в реальности все объекты имеют индивидуальные отличительные признаки, т.е. не являются неопределенными (ни в количественном, ни в качественном плане). Рассмотрим, как конкретно включается в семантику неопределенности этот субъективный элемент.

Неопределенный артикль в артиклевых языках, как известно, выражает значение ‘один из класса подобных’. Выражение *один из моих друзей* означает ‘или мой друг Петр, или Иван и т.д.’. В свою очередь, союз “или”, связывающий переменные в таком толковании (‘или А, или Б и т.д. из названного существительным класса объектов’), обозначает альтернативу **возможностей** того же типа, что и выражение ‘возможно, А, возможно, Б и т.д.’. Таким образом, семантика неопределенности в глубинном плане сводима к модальности неуверенного предположения со стороны говорящего, и, следовательно, включает компонент ‘отсылки к говорящему’, входящий в данное модальное значение.

Определенный артикль, так же как и местоимения типа *этот, он*, по своей семантике анафоричен, то есть содержит отсылку к тем конкретным признакам объекта, которые уже были названы в каком-то **предшествующем** утверждении, иначе говоря, в утверждении, предшествующем **данному** высказыванию. Тем самым указание на имеющий место речевой акт, несомненно, входит также и в содержание определенных детерминативов. Обратим в связи со сказанным внимание на то, что предмет в этом случае представлен как определенный (= ‘выделенный из класса подобных’) не просто потому, что он объективно индивидуализирован в реальности, а прежде всего потому, что ранее о нем было **нечто сказано**. Таким образом, субъективно-коммуникативный, прагматический компонент является неслучайной и, более того, семантически стержневой частью содержания категории “определенность–неопределенность”; собственно дейктические слова *я, здесь, сейчас* и т.д. представляют собой лишь одну, хотя и наиболее “наглядную”, разновидность проявления указательного (дейктического) элемента в языковой семантике [Гуревич 1988: гл. 4].

Переходя к анализу **синтаксической семантики**, отметим достаточно известный факт, что основными средствами текстовой связи являются анафора и катафора, т.е. отсылка к предшествующему или последующему тексту. Однако нетрудно убедиться в том, что скрытая указательная отсылка составляет также и существо **валентной связи** слов в словосочетании (и предложении). Так, переходный глагол всегда подразумевает наличие у действия объекта; следовательно, какая-то информация об этом включена в семантику самого глагола. Действительно, глагол *создать* означает ‘сделать так, чтобы возникло то, что будет далее названо в тексте’. Истолковать переходный глагол без упоминания объекта невозможно, и, следовательно, объект как

бы включен в само значение глагола. С другой стороны, дополнение всегда бывает выражено отдельно от глагола, и из значения самого глагола еще не ясно, какой именно объект будет далее назван. Следовательно, в глагольное значение включена не номинация объекта, а лишь сообщение о том, что номинация будет дана где-то в **окружающем тексте**. Таким образом, можно полагать, что валентная связь как раз и создается таким невербальным сообщением об ожидаемом окружении слова, то есть она основана на наличии в лексическом значении слова скрыто выраженной **указательной (катафорической) отсылки** к некоторым элементам того **речевого акта**, в котором используется данное слово.

Тот же принцип лежит и в основе связи частей в сложном предложении. В частности, в "нерасчлененных" сложноподчиненных предложениях изъяснительного типа (*Он сказал, что...*) или прикомпаративного (*Это лучше, чем...*) связь частей создается за счет того, что придаточное распространяет какое-то слово в главной части, т.е. заполняет валентность этого слова. "Расчлененные" сложноподчиненные предложения обычно рассматриваются как характеризующиеся иным типом отношений между частями: в них придаточное связано не с каким-либо отдельным словом, а со всем составом главного, и связь частей осуществляется с помощью семантически полноценных союзов (причины, времени, условия и т.п.). Однако и здесь глубинно-семантический принцип связи тот же: союзы этого типа выражают некоторые **отношения между событиями** (причинные, временные и т.д.), и, следовательно, содержат в своей семантике предикат со значением отношения, который, со своей стороны, всегда обладает двумя обязательными валентностями ('что является причиной чего', 'что одновременно чему' и т.д.). Таким образом, синтаксическая связь и в этом случае также базируется на валентности; отличие таких сложных предложений лишь в том, что "валентообразующим" элементом в них является служебное слово (именно на его валентности "навешиваются" как главное, так и придаточное предложения).

Итак, указание на конкретный речевой акт (и на говорящего) является постоянным компонентом семантики как в морфологических, так и в синтаксических категориях. Обратим внимание в связи с этим, во-первых, на то, что грамматические значения, несмотря на присущий им обобщенный характер, оказываются представляющими прежде всего **субъективный** элемент семантики (связанный с самим говорящим и его речевой деятельностью) и, во-вторых, на то, что, являясь принадлежностью **системы языка** (в противопоставление **речи**), грамматика на самом деле оказывается по своей сути чем-то постоянно указывающим на **речевой акт** (в связи с чем дихотомия "язык – речь" предстает в несколько более сложном виде).

Кроме того, исходя из сказанного об особенностях грамматической семантики, можно, видимо, полагать, что именно наличие отмеченного "прагматического" – указательного – компонента отличает **грамматическое** значение от **лексического**. Отметим при этом, что даже в освобожденном от грамматического оформления виде слово также содержит в своем значении семантические "вкрапления" грамматического порядка. К ним относятся, в частности, описанный выше указательный компонент, создающий валентность слова, а также скрыто выраженная информация о том, как именно компоненты лексического значения слова расчленяются при использовании в высказывании на пресуппозитивный и ассертивный элементы ("потенциальное" актуальное членение в пределах значения слова). Информация последнего типа, как представляется, существенна для выявления принадлежности слова к определенной части речи, поскольку актуальное членение значения имен предикатов (глаголов) и предметных существительных происходит по-разному (подробней см. [Гуревич 1994]).

Обратимся теперь к словам с предельно обобщенными ("опустошенными") значениями, в которых описываемый "грамматический" (указательный) компонент оказывается семантически стержневым. Этой особенностью, по нашим наблюдениям, характеризуются значения, нередко относимые к "элементарным" ("семантическим примитивам") [Wierzbicka 1972; Апресян 1995: гл. 2], – такие, как **существование, время, пространство, качество, количество, тождество, действие, субъект** и т.п. Одна-

ко прежде, чем анализировать эти абстрактные понятия, рассмотрим так называемые "широкозначные" слова, смысл которых конкретизируется содержанием соседнего слова, связанного с данным широкозначным словом валентной связью. В частности, выражение *работать учителем* означает 'учить', *работать врачом* = 'лечить', *магазин работает* = 'торгует', *лифт работает* = 'перевозит' и т.д. Глагол *работать* в обобщенном виде означает 'производить то (целенаправленное) действие, которое конкретно обозначено в предложении подлежащим или дополнением'. В свою очередь, глагол *производить* содержит отсылку к действию, которое будет выражено в значении прямого дополнения: *производить реконструкцию (расчет)* = 'реконструировать (рассчитывать)'. Глагол *происходить (иметь место)* содержит указательную отсылку к событию (нецеленаправленному действию), которое названо в подлежащем: *произошло столкновение (поездов)* = '(поезда) столкнулись'; *произошло замыкание проводов* = '(провода) замкнулись' и т.д. (ср. понятие "лексических функций" в [Мельчук 1995]).

Существительные-конкретизаторы выступают при данных широкозначных глаголах как их "событийная" валентность, т.е. как обозначение того события, которому сам этот глагол приписывает признак 'существования'. В свою очередь, содержание "элементарного" значения 'существования' также заключается в указательной отсылке к семантике соседствующего слова. Глагол *существовать* отличается от описанных широкоязычных глаголов лишь еще большей степенью абстракции, заключающейся в том, что конкретизатором при *существовать* может выступать предикат любого типа в содержании его "левой" валентности; иными словами, здесь нет тех добавочных ограничений (например, по целенаправленности-нецеленаправленности действия, по абстрактности-конкретности соседнего существительного), которые имеются у глаголов *производить*, *происходить* и т.д. В частности, конкретизирующий предикат может быть выражен всем значением подлежащего – ср. *существует борьба идей* (= 'идеи борются'), или же обозначен каким-то компонентом значения подлежащего – ср. *колдуны* (= 'люди, способные колдовать') *не существуют* (= 'ни один человек не способен колдовать'), или значением определения к подлежащему – ср. *существуют яйцекладущие млекопитающие* (= 'некоторые млекопитающие откладывают яйца') и т.д.

Аналогичным образом, *быть* как связочный глагол содержит отсылку к предикату (признаку, действию), названному в именной части сказуемого: ср. *быть учителем* = 'учить'; в этом значении *быть* представляет собой более частный "синтаксический" вариант знаменательного бытийного глагола. Указательно-отсылочное значение характерно и для локативного *быть* ('находиться'): сам глагол сообщает лишь о существовании некоторого пространственного соотношения объектов, которое конкретно названо в адвербиальном окружении (ср. *быть внутри*, *быть рядом* и т.д.) и без которого семантема "быть" ('находиться') вообще не имеет содержания (ср. иные концепции семантики глагола *быть* в работах [Kahn 1966; Lyons 1964; Allan 1971; Sampson 1972]).

В целом глаголы *существовать*, *быть* (как и семантически сходные с ними "широкозначные" слова) выступают в качестве формальных "заместителей" некоторого неглагольного (по форме) предиката, служащих лишь для "оглаголивания" этого предиката. Аналогия с заместительными словами (местоимениями, глаголами типа английского *do*) вполне оправдана, поскольку основным компонентом в значении всех этих слов является указательная отсылка к содержанию другого слова в окружающем тексте.

Соответственно, "отсылочными" являются и значения существительных типа *действие* ('процесс'), *признак* ('свойство, качество'), *отношение* и т.д., которые служат для "субстантивации" некоторого предиката, названного в окружающем тексте: если в предложении *фонтан действует* глагол используется для того, чтобы представить скрытый предикат (типа 'испускать водяные струи') в "глагольной" форме, то в

словосочетании *действие фонтана* тот же предикат представлен в "субстантивной" форме. В целом понятия "признак", "качество", "свойство", "отношение", "действие" обозначают 'нечто предиктируемое предмету в логическом суждении (= в предложении)'. Таким образом, отсылка к **акту предиктирования** (= **акту речи**) есть непреломленный компонент содержания данных понятий, как и понятия "семантический (логический) субъект", обозначающего 'то, чему нечто предиктируется в высказывании'.

Рассмотрим значение "тождества", также относимое к элементарным. Если мы говорим, что некое А есть то же, что некое Б, это означает, что мы имеем дело не с двумя разными объектами, а с одним (в количественном смысле). Иными словами, выражение *А и Б тождественны* означает: 'если мы сложим объекты А и Б, то их суммой будет число "один"'. Действительно, говоря, что автор "Войны и мира" тот же, что и автор "Воскресения", мы имеем в виду, что в этих двух дескрипциях речь идет об одном, а не двух писателях. Из этого очевиден "метатекстовый" характер понятия "тождество" [Вежбицка 1978]: оно сообщает о том, что нечто одно (в количественном смысле) было в предшествующем тексте названо двумя разными способами, т.е. о том, что количество используемых в данном тексте номинаций больше единицы, тогда как количество референтов этих номинаций равно единице.

В математике понятия 'тождественно', 'равно', 'больше', 'меньше' вводятся аксиоматически, как известные из практики. На практике же такие соотношения выявляются через сложение величин, наложение отрезков друг на друга и т.д., то есть операционально, через действия субъекта с какими-то объектами. Из этого следует, что в глубинном содержании данных семантем (понятий) должно присутствовать (пусть и в скрытом виде) сообщение о существовании субъекта, производящего подобные операции. "Метатекстовый" же характер понятий типа "тождество" свидетельствует еще и о том, что в семантике таких слов скрыта отсылка к произносимому в данный момент высказыванию, то есть к речевому акту и к говорящему.

Поскольку понятие "тождества" семантически сводимо к понятию "количества" ('один референт', 'более одного'), следует рассмотреть теперь содержание количественных семантем. Отметим, прежде всего, что количество объектов опять-таки можно установить только операционально, а именно – производя предиктирование какого-то одного и того же признака качественно разным объектам. Говоря, например, при счете *Сейчас на столе один карандаш, теперь – два* и т.д., мы повторно приписываем каким-то разным карандашам одинаковый набор признаков ('быть на столе в указанный момент'). Понятие "числа" как бы запечатлевает это повторение актов предиктирования, так что, когда мы говорим *На столе пять карандашей*, мы на самом деле не производим пятикратного вербального предиктирования указанных признаков: от этого нас избавляет само понятие "числа", ибо в нем как раз и содержится сообщение о той процедуре, которую нам пришлось бы действительно производить, если мы не стали пользоваться этим компактным знаком. Таким образом, понятие о количестве объектов есть в глубинном плане понятие о количестве актов **предиктирования** некоторого (одного и того же) признака некоторым (не тождественным в другом отношении) предметам.

Любопытно, что в ряде языков американских индейцев, по наблюдениям Б. Уорфа, "такое выражение, как *ten days* (десять дней) не употребляется. Эквивалентом ему служит выражение, указывающее на процесс счета" [Уорф 1960: 264]. В наших языках такой "операциональный" характер чисел непосредственно ощутим лишь в семантике порядковых числительных, однако он несомненно свойствен и количественным числительным; ср. описание понятия "числа" в математике: "свойства данного числа состоят в его отношениях к другим числам... Наличие таких свойств устанавливалось в процессе практического счета предметов" [Философская энциклопедия 1964]. Если теперь учесть, что "процесс счета" есть по своей лингвистической сути процесс повторного **предиктирования** предметам какого-то признака, то следует признать, что в содержании количественных семантем обязательно присутствует указание на наличие

акта предципирования, иначе говоря, – **речевого акта**, а, следовательно, и на наличие субъекта, производящего акт речи-мысли.

Понятия "тождества (различия)" и "количества", в свою очередь, лежат в основе наших представлений о пространстве и времени. Говоря, что некий объект А находится в некоторой точке Б, мы фактически говорим о совпадении (= тождестве) их местоположения. Значения 'близко к А', 'далеко от А', помимо компонента 'нетождественности с А' (т.е. понятия 'различия'), включают также компонент **количества** ('много или мало единиц измерения отделяют одну точку пространства от другой'). Поскольку семантемы "тождества" и "количества", как уже говорилось, включают в свое содержание указание на речевой акт, этот субъективный компонент, естественно, входит также и в содержание понятия 'пространственных отношений'. Временные отношения, в свою очередь, являются полным аналогом отношений пространственных, отличаясь лишь типом единиц измерения: 'одновременность' есть тождество точек на оси времени; 'предшествование' или 'следование' означают удаленность от некой общей точки отсчета (*А произошло раньше Б* означает, что А отделено от общей точки отсчета времени большим количеством единиц измерения времени, чем Б). Таким образом, не только грамматическая категория времени, но и общее понятие о времени, как и о пространстве, обязательно содержат "субъективный" семантический компонент – указательную отсылку к речевому акту и говорящему.

Итак, можно отметить некоторые общие особенности таких наиболее абстрактных семантем, как **время, пространство, существование, количество, качество (признак, свойство), тождество (различие), субъект, действие** и т.п. С одной стороны, есть основания относить эти значения к элементарным, поскольку, входя в качестве компонентов в значение более сложных значений, они сами не поддаются разложению на какие-то более простые компоненты. С другой стороны, однако, "элементарные" значения отнюдь не являются "первичными" смысловыми единицами, а, напротив, как бы **производны** от более конкретных семантем, поскольку возникают как обобщение последних за счет включения отсылки к содержанию слов-конкретизаторов в каком-то реальном тексте.

Важно отметить, что обобщенность данных понятий всегда сочетается с наличием в их содержании указания на конкретный **речевой акт**, что превращает их в единицы **прагматические (дейктические)**, – причем под этим следует иметь в виду не просто ситуативную "привязку" к говорящему субъекту и к акту его речи, но и непосредственное включение в значение таких единиц свернутого сообщения о происходящем рече-мыслительном акте. В этом отношении категория "элементарных" значений сближается с категорией значений грамматических. В целом, по-видимому, можно полагать, что, чем больше вес "указательного" компонента в значении слова, тем ближе это значение к грамматическому.

Если говорить об описанных выше абстрактных понятиях как о философских категориях, то следует отметить, что они не являются чисто объективным отражением реальных свойств мира, а постоянно включают **субъективный элемент** – указание на говорящего (= мыслящего субъекта) и на акт его речи (= мысли). По-видимому, в процессе познания окружающего мира человек никогда не может "отвлечься" от самого себя: он всегда ставит себя в центр этого процесса, непроизвольно делая себя "мерой всех вещей", им познаваемых, – и неустанно "напоминает" об этом самым содержанием создаваемых им понятий.

Если далее учесть, что "указание на говорящего" представляет собой свернутое пресуппозитивное утверждение о **существовании говорящего**, то нельзя не сделать вывода о том, что, строя в процессе познания какие-либо суждения об окружающем мире, человек обязательно исходит прежде всего из признания своего собственного существования: он выражает это непосредственно в пресуппозитивном "прагматическом" компоненте используемых им семантем (понятий) – даже таких отвлеченных, как понятия об универсальных свойствах мира, существующего вне (и независимо от) познающего субъекта.

Как видим, чисто лингвистический анализ "субъективного" компонента языковых знаков неизбежно приводит исследователя к проблемам гносеологии. Представляется интересным в этом отношении проанализировать попытку Декарта вывести объективное существование мира из факта существования мышления. В языковом плане силлогизм *Я мыслю, следовательно, я существую* явно тавтологичен, поскольку его первая часть уже содержит presupпозицию существования говорящего. Действительно, поскольку "я" означает 'тот человек, который сейчас нечто произносит', нетрудно видеть, что в семантику этого местоимения уже включена presupпозиция 'некто произносит нечто в данный момент', то есть presupпозитивное утверждение о существовании говорящего, его акта речи, момента времени и места, которые характеризуют процесс речи. Ввиду этого вторая часть силлогизма представляет собой не вывод, а просто экспликацию скрыто выраженной в посылке presupпозиции существования "я".

Подчеркнем, что возникновение такой логической (точнее, лингво-логической) ошибки в данном силлогизме не связано с какими-то особенностями именно местоимения "я". В частности, предложение типа *Петр ушел в кино* также включает presupпозицию существования субъекта действия: "Петр" означает 'тот человек, которого окружающие зовут Петром', последнее же выражение, в свою очередь, опирается на принятое за истину утверждение о существовании некоторого человека с данным именем. Более того, указанное явление не связано и с такой особенностью, как грамматическая определенность существительного. Действительно, и в высказывание *Некоторые коровы бодливы*, и даже в обобщенную сентенцию типа *Коровы травоядны* мы несомненно включаем presupпозицию существования того класса объектов, которому далее в высказывании нечто предсказывается. Как известно, еще Сократ (в диалоге "Теэтет") утверждал, что о несуществующем нельзя иметь ни истинного, ни ложного мнения (т.е. нельзя строить какие-либо суждения). Это означает, говоря более современным языком, обязательное присутствие в любом нашем высказывании presupпозиции существования того объекта (явления), которому мы нечто предсказываем.

Обратим теперь внимание на то, что всякая presupпозиция существования какого-либо явления или объекта включает в себя компонент 'говорящий считает истинным, что...'. Таким образом, отсылка к говорящему есть обязательный компонент любого нашего высказывания, поскольку в нем всегда есть какая-то presupпозитивная часть. Если теперь вспомнить из сказанного выше, что та же отсылка обязательно входит и в содержание скрытой модальной рамки всякого высказывания ("я утверждаю", "я спрашиваю" и т.д.), а также всевозможных грамматических категорий, используемых в предложении, то нельзя не поразиться тому, до какой степени любое наше высказывание "напичкано" упоминаниями о говорящем субъекте.

По-видимому, это связано с тем, что человек может описывать – то есть познавать – окружающий его мир, лишь предварительно выделив себя из этого мира, опираясь на противопоставление "Я" всему, что "не есть Я", и при этом обязательно исходя из признания существования как самого себя, так и мира, из которого он себя выделяет и частью которого он себя представляет. Таково, очевидно, само устройство мышления и языка: любой рече-мыслительный акт всегда "априорно" предполагает признание существования мира и при этом обязательно сообщает о наличии акта отражения мира субъектом, то есть о наличии речевого акта. Эта особенность нашего мышления (грубо говоря, неперемнная его предпосылка типа "мир есть лишь постольку, поскольку в нем есть тот, кто о нем размышляет и говорит"), очевидно, и обуславливает те бесконечные "напоминания" о говорящем и его акте речи-мысли, то есть тот субъективный компонент, который входит в содержание всего, что мы говорим и о чем думаем.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Апресян Ю.Д. 1995 – Лексическая семантика. М., 1995.
Балли Ш. 1955 – Общая лингвистика и вопросы французского языка. М., 1955.
Бенвенист Э. 1974 – Общая лингвистика. Гл. 28. М., 1974.

- Бюлер К.** 1993 – Теория языка. Гл. 2. М., 1993.
- Вежбицка А.** 1978 – Метатекст в тексте // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 8. М., 1978.
- Гуревич В.В.** 1988 – Семантическая производность в грамматике. М., 1988.
- Гуревич В.В.** 1994 – Семантическое противопоставление глагола и существительного // Языковая личность: проблемы значения и смысла. Волгоград, 1994.
- Мельчук И.А.** 1995 – Русский язык в модели "смысл – текст". Москва; Вена, 1995.
- Падучева Е.В., Крылов С.А.** 1984 – Дейксис: общетеоретические и прагматические аспекты // Языковая деятельность в аспекте лингвистической прагматики. М., 1984.
- Пауль Г.** 1960 – Принципы истории языка. М., 1960.
- Уорф Б.Л.** 1960 – Отношение норм поведения и мышления к языку // История языкознания 19 и 20 веков в очерках и извлечениях. Ч. 2. М., 1960.
- Шендельс Е.И.** 1959 – Отрицание как лингвистическое понятие // Уч. зап. 1 МГПИИЯ. Т. 19. М., 1959.
- Allan K.** 1971 – A note on the source of "there" in existential sentences // Foundations of language. 1971. № 7.
- Fillmore Ch.** 1969 – Types of lexical information // Studies in syntax and semantics (Ed. F. Kiefer). V. 10. Dordrecht, 1969.
- Kahn Ch.** 1966 – The Greek verb "to be" and the concept of being // International Journal of language and philosophy. V. 3. № 2. 1966.
- Lyons J** 1964 – A note on the possessive, existential and locative sentences // Foundations of language. 1964. № 4.
- Sampson G.** 1972 – There-1, There-2 // Journal of linguistics. 1972. V. 8. № 1.
- Wierzbicka A.** 1972 – Semantic primitives. Frankfurt, 1972.